

Карен Степанян и большое время

Информация об авторе: Осипова Мария Григорьевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт Востоковедения Российской академии наук, ул. Рождественка, д.12, 107031, Москва, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-2369-9558>

E-mail: ossimarina@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена итоговой монографии Карена Степаняна «Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» и Путеводителю по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Михаил Бахтин считал, что в большом времени ничто не пропадает бесследно, все возрождается к новой жизни. Произведения Шекспира и Достоевского разбивают грани своего времени и живут полной и интенсивной жизнью. В пространстве большого времени Степанян обращается к великим авторам – Шекспиру и Достоевскому, а также к их героям, чтобы понять как происходит столкновение добра и зла в душе человека, как сочетаются любовь с нелюбовью, истина с ложью, добро со злом, согласие с разногласием. В итоговой монографии Степаняна исследуются понятия маски, карнавала, художественной полифонии с обстоятельным учетом работ М.М. Бахтина по этим проблемам (при этом автор монографии во многом полемизирует с бахтинскими концепциями).

Ключевые слова: Шекспир, Достоевский, Бахтин, Степанян, итоговая монография, большое время, художественная полифония, согласие, разногласие, карнавал.

«Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени» [Степанян, 2016] – итоговая монография Карена Степаняна, в которую он вложил все, что знал и понимал о Достоевском, о мире, о человеке. В этой книге он устраивает встречу в большом времени Шекспира и Достоевского в присутствии Бахтина, а заодно вступает в полемику с М.М. по некоторым ключевым положениям его теории.

«Шекспир, Сервантес, Шиллер – “громადной величины художественные гении” [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с.145] – были для Достоевского, на протяжении всей его жизни, неизменными константами величия западноевропейской литературы» [Степанян, 2016, с.7].

Достоевский явился преемником и продолжателем великих писателей в вопросе исследования глубины души человеческой. Продолжателем – потому что Достоевский в своих романах и в публицистике (во многом пророческой) отвечал на вопросы, поставленные его гениальными предшественниками. Степанян подчеркивает, что **«Великой, на века, заслугой трех гениев – Шекспира, Сервантеса с его Дон Кихотом, Достоевского – явилось открытие и доказательство истины: все благодетели человечества, ставящие перед собой именно такую глобальную задачу, независимо от степени их искренности, пусть и на самом глубинном уровне**

подсознания, сосредоточены, главным образом, на **самих себе**, действуют, в первую очередь, **для себя**, ставят конечной целью обретение **личной славы и земного бессмертия** (в памяти грядущих поколений)» [Степанян, 2016, с. 37].

Мысль Карена о том, что сосредоточенность на **самих себе**, жизни **для себя** занижают конечную цель человеческой жизни, лишают ее не только вечности, но и существования в большом времени. Идея **личной славы и земного бессмертия** не разрешается большими смыслами, не возрождается к новой жизни. «Герои Шекспира, Сервантеса и Достоевского несут в себе весь груз грехов, ошибок и поражений, накопившийся за время существования человечества» [Степанян, 2016, с. 99].

В большом времени ничто не пропадает бесследно, все возрождается к новой жизни. Термин **«большое время»** был разработан и обоснован Михаилом Бахтиным: «Произведения разбивают грани своего времени, живут в веках, т.е. *в большом времени*, притом часто (а великие произведения всегда) более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности» [Бахтин, 1996-2012, т. 6, с. 454]. «В моей книге о Достоевском, я ввожу понятие большого времени. В нем живут Гомер и Эсхил, Софокл и Сократ. Живет в нем и Достоевский» [Бахтин, Интервью польскому журналисту Збигневу Подгужецу 1971].

«Самое главное, – считал Бахтин, – разрешить мысль, добиться результата, и неважно будет ли она опубликована или нет: однажды выясненная истина начинает жить своей жизнью» [Бахтин, 2017, с. 222].

Владычествующей мыслью, разрешить которую пытался Достоевский, была тайна человека. «Человек есть тайна, – писал 17-летний Достоевский брату Михаилу. – Её надо разгадать, и ежели будешь её разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [Достоевский, 1972-1990, т. 28, ч. 1 с. 63].

Бахтин разрешал эту мысль в творчестве Достоевского, начиная с 20-х годов XX века и до своей кончины, в 1975 году.

Степанян разрешал эту мысль в творчестве Достоевского, начиная с 70-х годов XX века и до своей кончины, в 2018 году.

Михаил Бахтин и Карен Степанян в большом времени вступают в диалог на тему: **«Совместим ли реализм в высшем смысле с полифонией»** в творчестве Достоевского. Карен Степанян полемизирует с Михаилом Бахтиным по основным ключевым вопросам, изложенным в книге «Проблемы поэтики Достоевского» [Бахтин, 2017]. По утверждению Бахтина в романах Достоевского вообще нет никакого «смыслового избытка» автора по отношению к персонажам, все персонажи абсолютно

свободны по отношению к авторским оценкам, все существующие в романе «правды» равноценны с «правдой» автора. Да ее, этой «правды», в принципе и нет, – считает Бахтин, – роль автора сводится к организации хора «голосов» персонажей, диалога между ними, который бесконечен [Бахтин, 2017, с.223-225].

Главное отличие автора от персонажей в мире Достоевского заключается не только и не столько в том, что автор «организует диалог», как считает Бахтин, но в том, что автор в своей «модели мира» показывает по каким законам устроено мироздание, а многие из его персонажей только *рассуждают* об этом.

Идея Бахтина о Достоевском как «творце полифонического романа» нашла «себе дорогу» в 20-х годах XX века. Через идею «полифонического романа» Бахтин пытается выявить «идею у Достоевского» [Бахтин, 2017, с. 327], чтобы понять на какой сюжетно-композиционной основе строится полифонический роман Достоевского. Он приходит к утверждению «карнавализации, обновленной и возрожденной» [Бахтин, 2017, с. 321-353].

Степанян вступает в полемику с Бахтиным, начиная с темы карнавала. Он утверждает: «Достоевского занимало *не* нарушение, *не* отмена подлинного иерархического строя человеческой жизни, а его восстановление, *не* маскарад, а обнаружение подлинного облика человека, *не* профанация священных текстов, а выявление их подлинной сути, *не* изображение «жизни наизнанку», а воссоздание подлинной реальности (на что и направлен «реализм в высшем смысле») [Степанян, 2016, с.125]. По мнению Бахтина, из всех романов «наиболее внешне карнавальный характер» носит роман «Идиот» [Бахтин, 1972-1990, т. 6, с. 230]. Степанян указывает нам на то, что при анализе этого романа Бахтин не разграничивает юродство и шутовство. «В первой части романа князь исполняет большинство заповедей блаженства, завещанных Христом: «Блаженны нищие духом...», «Блаженны плачущие...», «Блаженны кроткие...», «Блаженны чистые сердцем...», «Блаженны миротворцы...», «Блаженны изгнанные за правду...» [Мф. 5, 3-10]. Его поведение и облик во многом соответствуют юродивому, да он и именуется так Рогожиным. А далее, все погружаясь в мир страстей человеческих, он перестает исполнять заповеди юродства (принимает деньги, к примеру) и теряет этот облик, приобретая совсем другой – безумца» [Степанян, 2016, с.125].

В романе «Идиот» Бахтин видит карнавал, «мир наизнанку» [Бахтин, 1996-2012, т. 6, с. 328]. Степанян возражает ему и пишет: «роман “Идиот” был бы карнавальным, если бы там все совершалось *вопреки* законам *реального* мира: если бы, к примеру, все

завершилось бы тем, что Мышкин благополучно женился на Аглае, а перевоспитанная им Настасья Филипповна вышла за Рогожина, и они мирно зажили бы в Гороховой, излеченный тем же Мышкиным Ипполит вместе с Колей восторженно внимали рассказам генерала Иволгина о встречах с Наполеоном и т. д.

(...) И тогда это все действительно вызывало бы освобождающий веселый смех читателей, да и самих персонажей-участников» [Степанян, 2016, С. 126].

В первой главе «Проблемы поэтики Достоевского» Бахтин пишет: *«Множественность самостоятельных и неслиянных голосов и сознаний, подлинная полифония полноценных голосов действительно является основной особенностью романов Достоевского. (...) множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь, сохраняя свою неслиянность, в единство некоторого события»* [Бахтин, 2017, с. 223].

Степанян вступает в полемику с этим утверждением: «Но могут ли сочетаться в какое-либо единство правда Зосимы: “Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя бы и со грехом твоим и во грехе твоём любит” [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 48] и правда Ивана: Люди – “слабосильные”, “недоделанные пробные существа, созданные в насмешку” [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 236-238]. (...) Можно ли представить себе мир, в котором эти две правды могли существовать одновременно как “равноправные”, одинаково “полновесные” и “полноценные”, как следует из бахтинской теории?» [Степанян, 2016, с. 144]

Музыкальный термин «полифония»¹ был известен Бахтину еще с юности: его пожизненным другом была великая пианистка Мария Юдина. Степаняну, с самого детства, была открыта музыкальная полифония: его мама, композитор Гаянэ Чеботарян, сочиняла полифоническую музыку («Полифонический альбом для юношества», посвященный сыну, Карену Степаняну). Гаянэ Моисеевна более 40 лет преподавала полифонию в Ереванской государственной консерватории им. Комитаса и написала монографию: «Полифония в творчестве Арама Хачатуряна» [Чеботарян, 1969].

Бахтин говорил о подлинной полифонии равноправных голосов, Степанян сомневался в том, что могут сочетаться различные и противоположные сознания. В книге Гаянэ Чеботарян разрешается мысль такого сочетания. В своем исследовании Чеботарян вводит новые термины, с целью более точного определения сущности некоторых полифонических приемов, например: «полифония согласия» и «полифония

1 Полифония – склад многоголосной музыки, определяющийся равноправием отдельных голосов многоголосной фактуры.

разногласия» – контрапункт² первого плана и контрапункт второго плана [Чеботарян, 1969, с. 7]. Сочетание равноправных и полноценных сознаний как в романах Достоевского, так и в музыкальной полифонии, разделяется на два контрапункта. Авторская позиция писателя по отношению к добру и злу, равно как и отношение композитора к сочетанию света и тьмы, становится, в таком случае, руководящей сочетанием «полифонии согласия» и «полифонии разногласия» в как в художественном, так и литературном текстах. Такое отделение зла от добра особенно важно в свете вечно продолжающейся, в большом времени, жизни великих произведений.

Последним сочинением Карена Степаняна стал **Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»** [Степанян, 2018]. В нем Карен пытается разобраться и понять «(по крайней мере для себя), *на чьей стороне правда*, что же все-таки хотел утвердить этим своим итоговым произведением Ф. М. Достоевский?» [Степанян, 2018, с. 14]. В XX и в начале XXI веков, «Когда критерии добра и зла в человечестве сильно пошатнулись и запутались (или, по крайней мере, нам стало казаться так), амплитуда в суждениях об этом романе (“Братья Карамазовы” - М.О) расширилась предельно» [Степанян 2018, с. 13].

Человеку дана свобода выбора от ада до рая. Мысль эта разрешается, по мнению Степаняна, следующим образом: «(...)подлинная свобода – только в Боге, и ее обретают только те, чья деятельность тем или иным образом совпадает, ложится в многообразный и сложный план Божий, а остальные оказываются все-таки в рабстве у зла, сколь бы свободными себя ни мыслили» [Степанян, 2016, с. 152-153].

Российская империя времен Достоевского проходила «золотой век» в русской культуре, это было время экономического и военного могущества страны, начало бурного развития. «Именно в это время, после отмены крепостного права, Россия по-настоящему перешла от феодализма в буржуазное настоящее, и, как с горечью писал Достоевский, культ денежного мешка стал вытеснять в сознании людей все прежние ценности, изменилась вся *иерархия* ценностей» [Степанян, 2016, с. 54].

Во времена невиданного подъема и могущества **своих стран** три великих писателя: Шекспир, Сервантес и Достоевский создают произведения, основной темой которых является определение границ земной власти человека, ставящего своей задачей индивидуальными усилиями и личным примером переделать мир, превратить его из злого в хороший, преобразить ад в рай. Именно такой представляется главная проблематика трагедии «Гамлет», романов «Дон Кихот», «Преступление и наказание» и

2 Контрапункт – одновременное сочетание двух или более самостоятельных мелодических голосов.

«Идиот». Где происходит столкновение зла с добром? В первую очередь – в душе человеческой.

Достоевский разгадывал человека как тайну, он исследовал какие глубины зла и какая мощнейшая тяга к нему – заключены в натуре человека, именно ему удалось постичь и изобразить человеческую свободу, дарованную нам Богом. «Шекспир видел всю бездонную глубину зла в человеке и в обществе; но при этом сохранялась его вера в величие человека» [Степанян, 2016, с. 106].

Для понимания человека и его места в мире очень важны диалог Сервантеса и Достоевского [Степанян, 2013], переключка Шекспира с Достоевским в большом времени [Степанян, 2016]. Происходит борьба зла и добра в человеческой душе. Обратится ли человек за помощью в такой борьбе к Богу или нет, вот в чем вопрос. Невозможно быть «горстью праха», когда ты *вместе со Христом*.

В итоговом романе Достоевского контраст между истиной и ложью достигает своего максимума. Главное, что отличает правду Алеши от правды Ивана заключается в том, что в душе одного живет любовь к людям («был он просто ранний человеколюбец»), [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 17] а в сердце другого – нет («я никак не мог понять, как можно любить своих ближних», «Христовой любви» «понять не могу») [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 215-216]. Правда старца Зосимы тем и отличается от правды Ивана Карамазова, что основана она на любви. Старец говорил: «По мере того, как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей» [Достоевский, 1972-1990, т. 14 с. 52].

Федор Михайлович Достоевский, во вступительном слове, сказанном на Литературном Утре в пользу студентов С.-Петербургского Университета 30 декабря 1879 г. перед чтением главы «Великий инквизитор» сказал: «Смысл тот, что если исказишь веру Христову, соединив ее с целями мира сего, то разом утратится и весь смысл христианства, ум несомненно должен впасть в безверие, вместо великого Христова идеала созиждется лишь новая Вавилонская башня. Высокий взгляд христианства на человечество понижается до взгляда как бы на звериное стадо, и под видом *социальной* любви к человечеству является уже не замаскированное презрение к нему» [Достоевский, 1972-1990, т. 15, с.198].

Все «*благодетели рода человеческого*», что стремились к «*личной славе и к земному бессмертию*» пытались построить Вавилонскую башню, искажая веру Христову и соединяя ее с целями мира сего, устраняя Бога. Бог-Творец находится вне времени и пространства, а человек существует – во времени и пространстве. Как выйти из этого времени и пространства в большое время и даже далее – к вечности и к Богу?

Завершая Путеводитель по роману Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», Карен пишет: «Да, незавершенность персонажей Достоевского проявляется и в том, что мы продолжаем спорить с ними – ибо актуальность вопросов, волновавших их, обостряется с каждым следующим десятилетием. Но такое **равноправие** не означает **равной правильности** – с точки зрения автора» [Степанян, 2018, с.174].

Итак, в пространстве большого времени Карен обращается к великим авторам и к их героям, чтобы понять как происходит столкновение добра и зла в душе человека. Без Бога – все обречено, как строительство Вавилонской башни. Со Христом – все возможно, ибо Бог любит нас так, как мы и помыслить не можем. Человеку дана свобода выбора. Не могут ужиться два мира в душе человеческой: либо зло победит добро, либо добро одержит победу над злом.

«Но кульминация, безусловно, наступает в “Братьях Карамазовых” – романе, основу которого составляет Преображение. (...) буквально на наших глазах дети преображаются в 12 апостолов “детской церкви” (словами М. М. Бахтина), повторяя тем самым путь апостола Павла» [Степанян, 2018, с. 161].

Карен Степанян жил и продолжает жить в большом времени своими книгами, статьями, путеводителями, дневником ...

Как сочетается любовь с нелюбовью, как сочетается истина с ложью, а добро со злом, согласие с разногласием? – спрашивает нас Карен. Правда старца Зосимы не сочетается с правдой Ивана Карамазова, но покрывает ее Любовью Христовою. Своею Любовью Иисус Христос покрывает нелюбовь великого инквизитора. Слова старца Зосимы: «Веруй, что Бог тебя любит так, как ты и не помышляешь о том, хотя и со грехом твоим и во грехе твоём любит» [Достоевский, 1972-1990, т. 14, с. 48] Карен Степанян почитал самыми главными не только в романе Ф.М. Достоевского, не только в большом времени, он полагал их наиважнейшими в любом пространстве человеческой души.

Список литературы

1. Бахтин, 1972-1990 – *Бахтин М. М.* Собр. соч. в 6 т. М.: Русские словари, языки славянской культуры, 1996-2012
2. Бахтин, 2017 – *Бахтин М. М.* Проблема поэтики Достоевского М.:2017. 616 с.
3. Достоевский, 1972-1990 – *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972-1990
4. Степанян, 2016 – *Степанян К.А.* Шекспир, Бахтин и Достоевский: герои и авторы в большом времени М.: Глобал Ком, 2016. 292 с.
5. Степанян, 2013 – *Степанян К. А.* Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени М.: 2013 Языки славянской культуры, 2013. 363 с.

6. Степанян, 2018 – *Степанян К. А.* Путеводитель по роману Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» учебное пособие Издательство Московского Университета: 2018. 175 с.
7. Чеботарян, 1969 – *Чеботарян Г.М.* Полифония в творчестве Арама Хачатуряна Ереван, Издательство «Айастан»: 1969. 270 с.

© 2025. Maria G. Osipova
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Karen Stepanian and great time

Karen Stepanian and the Great Time

Abstract: The article is devoted to the final monograph by Karen Stepanian "Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors in a big time" and a Guide to the novel by F.M. Dostoevsky "The Brothers Karamazov". Mikhail Bakhtin believed that in the big time nothing disappears without a trace, everything is reborn to a new life. The works of Shakespeare and Dostoevsky break the boundaries of their time and live a full and intense life. In the space of big time, Stepanian turns to the great authors Shakespeare and Dostoevsky, as well as to their characters, in order to understand how good and evil collide in the human soul, how love and dislike, truth and falsehood, good and evil, agreement with disagreement are combined. Stepanian's final monograph explores the concepts of masks and carnival, artistic polyphony with careful consideration of M. M. Bakhtin's works on these issues (at the same time, the author of the monograph largely polemizes with Bakhtin's concepts).

Keywords: Shakespeare, Dostoevsky, Bakhtin, Stepanian, the final monograph, the great time, artistic polyphony, good, evil, carnival

«Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors in the great time» [Stepanian, 2016] is the final monograph by Karen Stepanian, in which he put everything he knew and understood about Dostoevsky, about the world, about man. In this book, he arranges a meeting between Shakespeare and Dostoevsky in a great time in the presence of Bakhtin, and also enters into a polemic with M.M. on some key points of his theory.

«Shakespeare, Cervantes, Schiller – “artistic geniuses of enormous magnitude” [Dostoevsky, 1972–1990, vol. 14, 145] – were for Dostoevsky, throughout his life, invariable constants of the greatness of Western European literature» [Stepanian, 2016, p.7].

Dostoevsky was the successor and continuator of great writers in the matter of exploring the depths of the human soul. A follower, because Dostoevsky, in his novels and in his (largely prophetic) journalism, answered the questions posed by his brilliant predecessors. Stepanian emphasizes that «The great, for centuries, merit of three geniuses – Shakespeare, Cervantes with his Don Quixote, Dostoevsky – was the discovery and proof of the truth: all the benefactors of humanity who set themselves just such a global task, regardless of the degree of their sincerity, even at the deepest level of the subconscious, focused mainly on they act on themselves,

primarily for themselves, and set the ultimate goal of gaining **personal glory** and **earthly immortality** (in the memory of future generations)» [Stepanian, 2016, p. 37].

Karen's idea is that focusing on oneself, living for oneself, underestimates the ultimate goal of human life, depriving it not only of eternity, but also of existence in the great time. The idea of personal glory and earthly immortality is not resolved in great ways, it is not reborn to a new life. «The characters of Shakespeare, Cervantes and Dostoevsky carry the entire burden of sins, mistakes and defeats accumulated during the existence of mankind» [Stepanian, 2016, p. 99].

In the great time, nothing disappears without a trace, everything is reborn to a new life. The term «great time» was developed and justified by Mikhail Bakhtin: «Works break the boundaries of their time, live in centuries, i.e. in great time, moreover, often (and great works always) with a more intense and full life than in their modernity» [Bakhtin, 1996–2012, vol. 6, p.454]. «In my book about Dostoevsky, I introduce the concept of the great time. Homer and Aeschylus, Sophocles and Socrates live in it. Dostoevsky also lives in it» [Bakhtin Interview with Polish journalist Zgreatniew Podguzec, 1971].

«He most important thing, – Bakhtin believed, – is to resolve a thought, achieve a result, and it does not matter whether it is published or not: once the truth is clarified, it begins to live its own life» [Bakhtin, 2017, p. 222].

The dominant thought that Dostoevsky was trying to solve was the mystery of man. «Man is a mystery, – wrote 17-year-old Dostoevsky to his brother Mikhail. It needs to be solved, and if you're going to solve it all your life, don't say you've wasted your time; I'm working on this mystery because I want to be human» [Dostoevsky 1972–1990, vol. 28, I, p. 63].

Bakhtin resolved this idea in Dostoevsky's work from the 20s of the twentieth century until his death in 1975.

Stepanian resolved this idea in Dostoevsky's work from the 70s of the twentieth century until his death in 2018.

Mikhail Bakhtin and Karen Stepanian engage in a dialogue on the topic of: «Is realism in the highest sense compatible with polyphony» in Dostoevsky's work Karen Stepanian argues with Mikhail Bakhtin on the main key issues outlined in the book «Problems of Dostoevsky's Poetics» [Bakhtin, 2017]. According to Bakhtin, in Dostoevsky's novels there is no «semantic excess» of the author in relation to the characters at all, all the characters are absolutely free in relation to the author's assessments, all the «truths» existing in the novel are equivalent to the «truth» of the author. Yes, this «truth» does not exist in principle, « Bakhtin believes, the role of the author is to organize a chorus of "voices" of the characters, a dialogue between them that is endless» [Bakhtin, 2017, pp. 223-225].

The main difference between the author and the characters in Dostoevsky's world lies not only and not so much in the fact that the author «organizes a dialogue», as Bakhtin believes, but in the fact that the author in his «model of the world» shows the laws of the universe, and many of his characters only talk about it.

Bakhtin's idea of Dostoevsky as the «creator of the polyphonic novel» found its way in the 20s of the twentieth century. Through the idea of a «polyphonic novel», Bakhtin tries to identify «Dostoevsky's idea» [Bakhtin, 2017, p. 327] in order to understand on what plot and compositional basis Dostoevsky's polyphonic novel is based. He comes to the statement of «carnivalization, renewed and reborn» [Bakhtin, 2017, p. 321–353].

Stepanian enters into a polemic with Bakhtin, starting with the theme of carnival. He claims: «Dostoevsky was interested not in violating or abolishing the true hierarchical structure of human life, but in restoring it, not in masquerading, but in discovering the true appearance of a person, not in profaning sacred texts, but in revealing their true essence, not in depicting "life inside out," but in recreating authentic reality (which is what "realism in the highest sense" is aimed at) [Stepanian, 2016, p. 125]. According to Bakhtin, of all the novels, the novel «Idiot» has the «most outwardly carnival character» [Bakhtin, 1972–1990, vol. 6, p. 230]. Stepanian points out to us that when analyzing this novel, Bakhtin does not distinguish between foolishness and buffoonery. «In the first part of the novel, the prince fulfills most of the beatitudes bequeathed by Christ: "Blessed are the poor in spirit...", "Blessed are those who weep...", "Blessed are the meek...", "Blessed are the pure in heart...", "Blessed are the peacemakers...", "Blessed are those who were cast out for righteousness..." [Matthew, 5, 3-10]. His behavior and appearance largely correspond to the holy fool, and he is called Rogozhin. And then, plunging deeper into the world of human passions, he ceases to fulfill the commandments of foolishness (accepts money, for example) and loses this appearance, acquiring a completely different image of a madman" [Stepanian, 2016, p. 125].

In the novel «The Idiot» Bakhtin sees a carnival, «the world inside out» [Bakhtin, 1996-2012, vol. 6, p. 328]. Stepanian objects to him and writes: «the novel Idiot would be a carnival if everything were done there contrary to the laws of the real world: if, for example, everything ended with Myshkin safely marrying Aglaya, and Nastasia Filippovna, who had been reformed by him, married Rogozhin, and they would live peacefully in Gorokhovaya, Hippolytus, cured by the same Myshkin, together with Kolya enthusiastically listened to General Ivolgin's stories about meetings with Napoleon, etc.

(...) And then all this would really cause a liberating cheerful laugh from the readers, and from the characters themselves» [Stepanian, 2016, p. 126].

In the first chapter of Dostoevsky's *Problems of Poetics*, Bakhtin writes: «The multiplicity of independent and non-merged voices and consciousnesses, the genuine polyphony of full-fledged voices, is indeed the main feature of Dostoevsky's novels. (...) the multiplicity of equal consciousnesses with their worlds is combined here, while maintaining its non-fusion, into the unity of a certain event» [Bakhtin, 2017, p.223].

Stepanian enters into a polemic with this statement: «But can the truth of Zosima be combined into any kind of unity?»: «Believe that God loves you in a way you don't even think about, even if he loves you with your sin and in your sin [Dostoevsky, 1972-1990, vol. 14, p.48] and the truth of Ivan: “People are “weak”, “unfinished” tentative creatures created in mockery” [Dostoevsky, 1972-1990, pp. 236-238]. (...) Is it possible to imagine a world in which these two truths could exist simultaneously as «equal», equally “full-fledged” and “full-fledged”, as follows from Bakhtin's theory» [Stepanian, 2016, p.144].

The musical term «polyphony» was known to Bakhtin since his youth: his lifelong friend was the great pianist Maria Yudina. Stepanian has been exposed to musical polyphony since childhood: his mother, composer Gayane Chebotarian, composed polyphonic music («Polyphonic Album for Youth», dedicated to his son, Karen Stepanian). Gayane Moiseevna has been teaching polyphony at the Yerevan State Conservatory for more than 40 years, wrote a monograph: «Polyphony in the works of Aram Khachaturian» [Chebotarian, 1969].

Bakhtin spoke of a genuine polyphony of equal voices, Stepanian doubted that voices of different and opposite consciousnesses could be combined. Gayane Chebotarian's book resolves the idea of combining different consciousnesses. In his research, Chebotarian introduces new terms in order to more accurately define the essence of some polyphonic techniques, for example: «polyphony of agreement» and «polyphony of disagreement» – first-plan counterpoint and second-plan counterpoint [Chebotarian, 1969, p.7]. Now the combination of equal and full-fledged consciousnesses in both Dostoevsky's novels and music is divided into two counterpoints: for good and for evil. The author's position of the writer, as well as the composer, becomes, in this case, the defining, guiding combination of agreement and disagreement in the text. And this is especially important in the light of the eternal long-lasting life of great works.

Karen Stepanian's latest work was a Guide to F. M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov» [Stepanian, 2018]. In it, Karen tries to understand and understand «(at least for herself), on whose side is the truth, what did F. M. Dostoevsky want to affirm with this final work?» [Stepanian, 2018, p.14]. In the twentieth and early twenty-first centuries, «(...) when the criteria of good and evil in humanity were greatly shaken and confused (or at least it began to seem so to us), the amplitude of judgments about this novel ("The Brothers Karamazov" – M.O) has expanded extremely» [Stepanian, 2018, p.13].

Man is given the freedom to choose from hell to heaven. This thought is resolved, according to Stepanian, as follows: «(...) true freedom is only in God, and it is found only by those whose activities coincide in one way or another, fall into the diverse and complex plan of God, and the rest are still enslaved to evil, no matter how free they feel they thought» [Stepanian,2016, p. 152-153].

The Russian Empire of Dostoevsky's time was going through a «golden age» in Russian culture, it was a time of the country's economic and military might, the beginning of rapid development. «It was at this time, after the abolition of serfdom, that Russia truly moved from feudalism to the bourgeois present, and, as Dostoevsky bitterly wrote, the cult of the money bag began to displace all previous values in people's minds, and the entire hierarchy of values changed» [Stepanian,2016, p. 54].

During the unprecedented rise and power of their countries, three great writers: Shakespeare, Cervantes and Dostoevsky create works whose main theme is to define the boundaries of human earthly power, whose task is to remake the world by individual efforts and personal example, to transform it from evil to good, to transform hell into heaven. This is the main problem of the tragedy «Hamlet», the novels «Don Quixote», «Crime and Punishment» and «The Idiot». Where is the clash of evil with good? First of all, in the human soul.

Dostoevsky solved man as a mystery, he explored the depths of evil and the most powerful craving for it in human nature, and it was he who managed to comprehend and portray God-given human freedom. «Shakespeare saw the bottomless depth of evil in man and in society; but at the same time his faith in the greatness of man remained» [Stepanian,2016, p. 106].

For understanding a person and his place in the world, the dialogue between Cervantes and Dostoevsky [Stepanian, 2013], the roll call of Shakespeare with Dostoevsky in the big time are very important [Stepanian, 2016]. There is a struggle between evil and good in the human soul. Whether a person will turn to God for help in such a struggle or not is the question. It is impossible to be a «handful of dust» when you are with Christ.

In Dostoevsky's final novel, the contrast between truth and falsehood reaches its maximum. The main thing that distinguishes Alyosha's truth from Ivan's truth is that in the soul of one there is love for people («he was just an early lover of mankind»), [Dostoevsky, 1972-1990, vol. 14, p. 17] and not in the heart of the other («I could not understand how to love one's neighbors», «I cannot understand the love of Christ») [Dostoevsky, 1972-1990, vol. 14, pp. 215-216]. The truth of Elder Zosima differs from the truth of Ivan Karamazov in that it is based on love. The elder was saying: «As you succeed in love, you will become convinced of the existence of God and of the immortality of your soul» [Dostoevsky, 1972-1990, vol. 14, p. 52].

Fyodor Mikhailovich Dostoevsky, in his introductory speech at the Literary Morning for the benefit of students of St. Petersburg University on December 30, 1879, before reading the chapter «The grand inquisitor», said: «The meaning is that if you distort the faith of Christ by combining it with the goals of this world, then the whole meaning of Christianity will be lost at once, the mind must undoubtedly fall into disbelief, instead of the great ideal of Christ, only a new Tower of Babel will be built. Christianity's lofty view of humanity is lowered to a view of a herd of animals, and under the guise of social love for humanity there is no longer a disguised contempt for it» [Dostoevsky, 1972-1990, vol. 15, p. 198].

All the «benefactors of the human race» who aspired to «personal glory and earthly immortality» tried to build a Tower of Babel, distorting the faith of Christ and combining it with the goals of this world, eliminating God. God the Creator is outside of time and space, and man exists in time and space. How can we get out of this time and space into the big time and even further – to eternity and to God?

Concluding the Guide to F.M. Dostoevsky's novel «The Brothers Karamazov», Karen writes: «Yes, the incompleteness of Dostoevsky's characters is also evident in the fact that we continue to argue with them, because the urgency of the issues that worried them is becoming more acute with each passing decade. But such equality does not mean equal correctness, from the author's point of view» [Stepanian, 2018, p. 174].

So, in the space of big time, Karen turns to great authors and their heroes to understand how good and evil collide in the human soul. Without God, everything is doomed, like building the Tower of Babel. With Christ, everything is possible, because God loves us in a way we cannot even imagine. A person is given freedom of choice. Two worlds cannot get along in the human soul: either evil will defeat good, or good will triumph over evil.

«But the climax, of course, comes in The Brothers Karamazov, a novel based on Transfiguration. (...) literally before our eyes, children are transformed into the 12 apostles of the "children's church" (in the words of M. M. Bakhtin), thereby repeating the path of the Apostle Paul» [Stepanian, 2018, p. 161].

Karen Stepanian lived and continues to live in a great time with his books, articles, guidebooks, and diary...

How does love and dislike combine, how does truth and falsehood combine, and good with evil, agreement with disagreement? Karen asks us. The truth of Elder Zosima does not combine with the truth of Ivan Karamazov, but covers it with the Love of Christ. With His Love, Jesus Christ covers the dislike of the grand inquisitor. The words of Elder Zosima: «Believe that God loves you in a way you don't even think about, even though he loves you with your sin and in your sin» [Dostoevsky, 1972-1990, vol. 14, p. 48] Karen Stepanian considered the most

important not only in F. M.'s novel. Dostoevsky, not only in the great time, he considered them the most important in any space of the human soul.

References

1. Bakhtin M.M. *Collected works in 6 volumes*. Moscow: Russian dictionaries, languages of Slavic culture, 1996-2012
2. Bakhtin M.M. *The problem of Dostoevsky's poetics*. Moscow, 2017. 616 p.
3. Dostoevsky F. M. *Complete collection of works: in 30 volumes*. Leningrad: Nauka, 1972-1990
4. Stepanian K.A. *Shakespeare, Bakhtin and Dostoevsky: heroes and authors in a great time* Moscow: Global Com, 2016. 292 p.
5. Stepanian K.A. Dostoevsky and Cervantes: a dialogue in a great time. Moscow: *A guide* Languages of slavic culture, 2013. 363 p.
6. Stepanian K.A. *F. M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov"* textbook Moscow University Press: 2018. 174 p.
7. Chebotaryan G.M. *Polyphony in the works of Aram Khachaturian* Yerevan, Hayastan Publishing House: 1969. 270 p.